

DOI: 10.24412/2308-8079-2022-2-3

УДК 94(430)+(470):338.45

**РОССИЙСКО-ПРУССКИЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ БЕРЛИНСКОГО СЛЕСАРЯ**

Ф.В. КНАКА, 1836-1837 ГГ.

Келлер А.В.

В статье рассмотрены коммуникативные практики, пути и способы трансконтинентальной трудовой миграции прусских специалистов в Санкт-Петербург в 1830-е гг. на примере берлинского мастера слесарных дел Ф.В. Кнака. Задача исследования – рассмотреть факторы, играющие важную роль в принятии решения смены места жительства и выезда за рубеж: семья, коммуникативные практики и социальное окружение главного героя в Санкт-Петербурге. На основе дела, хранящегося в берлинском архиве по поводу прошения госпожи Кнак (урожденной Вестербург), впервые делается попытка проанализировать эффективность коммуникативных каналов прусского внешнеполитического ведомства в Санкт-Петербурге 1836-1837 гг., а также факторов, способствовавших успешной интеграции слесаря в российской столице. Основная информация о мастере содержится в прошениях жены Кнака и в переписке между прусским министерством иностранных дел в Берлине и прусской миссией в Санкт-Петербурге. Делается вывод, что именно благодаря действенным коммуникативным практикам различных участников данного кейса: прусской внешнеполитической и дипломатической администраций, жены слесаря и, опосредованно, самого разыскиваемого мастера, а также видных представителей культурной и экономической жизни Санкт-Петербурга А.Л. Роллера и Ч. Берда, удалось найти слесаря, сумевшего успешно интегрироваться с помощью упомянутых лиц.

Ключевые слова: Берлин, городское ремесло, иностранные предприниматели, межкультурный диалог, немцы Петербурга, повседневность, трансконтинентальная трудовая миграция, Ф.В. Кнак.

**THE RUSSIAN-PRUSSIAN COMMUNICATION PRACTICES
AND MIGRATION OF SPECIALISTS TO SAINT PETERSBURG
BY THE EXAMPLE OF BERLIN LOCKSMITH MASTER**

F.V. KNACK IN 1836-1837

Keller A.V.

The article discusses the communicative practices, ways and means of transcontinental labour migration of Prussian specialists to St. Petersburg in the 1830s by the example of Berlin locksmith master F.V. Knack. The objective of the study is to consider the factors that play an important role in deciding to change the place of residence and travel abroad: family, communication practices and the social environment of the protagonist in St. Petersburg. Based on the file stored in the Berlin archive regarding the petition of Mrs Knack (nee Westerburg), there is made for the first time an attempt to analyse the effectiveness of the Prussian Foreign Ministry's communication channels in St. Petersburg in 1836-1837, as well as the factors that contributed to the successful integration of the locksmith in the Russian capital. The main information about the master is contained in the petitions of Knack's wife and in the correspondence between the Prussian Ministry of Foreign Affairs in Berlin and the Prussian mission in St. Petersburg. It is concluded that the effective communication practices of various participants in this case, such as the Prussian foreign policy and diplomatic administrations, the wife of a locksmith and, indirectly, the most wanted master, as well as prominent representatives of the cultural and economic life of St. Petersburg A.L. Roller and Ch. Bird, helped to find a locksmith, who managed to successfully integrate with the support of the mentioned persons.

Keywords: Berlin, urban craft, foreign entrepreneurs, intercultural dialogue, Germans of St. Petersburg, everyday life, transcontinental labor migration, F.V. Knack.

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» (номер государственной регистрации FEUZ-2020-0056).

Новизна статьи заключается в выборе предметом исследования не немцев Санкт-Петербурга вообще, происходивших из очень разных регионов Германии, имевших свою специфику, и даже не всех выходцев из Пруссии, находившейся наиболее близко к Российской империи и имевшей с ней обширную общую границу на востоке, а отдельно взятого слесаря Ф.В. Кнака. Прусская столица имела давние тесные связи со столицей России, что благоприятно способствовало переезду Кнака в Петербург, куда он прибыл в марте-апреле 1836 г. Дело, посвященное его неожиданному отъезду, является одним из 78 дел собрания документов Секретного государственного архива Прусского фонда культурного наследия (GStA PK), выявленных нами и касающихся прусских ремесленников, проживавших в Петербурге в первой половине XIX в. Впервые вводятся в оборот уникальные архивные документы на немецком языке, позволяющие, насколько это возможно, реконструировать повседневные практики трудового мигранта. Прошения жены Кнака и ответы соответствующих прусских инстанций дали уникальную возможность выяснить всю подоплеку случившегося, что показывает высокую востребованность европейских и среди них прусских специалистов в Петербурге, высокую степень кооперации иностранных специалистов. Из контекста происходящего понятна высокая мотивация и возможность поехать в Петербург, чтобы устроиться на высокооплачиваемую работу, чему не смогло послужить препятствием даже то обстоятельство, что слесарь имел собственную мастерскую в Берлине.

Главное достояние своей страны Фридрих II лапидарно обозначил в политическом завещании 1752 г.: «Сила Пруссии покоится не на внутренних богатствах, но на прилежании (ее подданных – *A.K.*)» [24, S. 211]. В этом

заклучалась главная причина того, почему в России так охотно принимали специалистов из Германии. Факторами, облегчавшими мобильность прусских, а также австрийских подданных в политическом треугольнике между Петербургом, Берлином и Веной служили интактный Священный союз и династические связи дома Романовых с владетельными домами Германии. Венская система, установленная после 1815 г., вполне соответствовала представлениям Николая I. Он, как и Александр I, стремился сохранять добрые отношения с монархами Австрийской империи и Пруссии, союз с которыми должен был играть в их понимании роль гаранта стабильности в Европе [10, с. 562-563].

Доверительным отношениям между российскими и прусскими канцеляриями способствовали известное германофильство Николая I и его счастливый брак с прусской принцессой Шарлоттой (Charlotte von Preußen, 1798-1860), старшей дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III, ставшей русской императрицей и получившей при переходе в православие имя Александры Федоровны. Император видел в Пруссии идеальное государство с хорошо отлаженным бюрократическим аппаратом, достойное всяческого подражания. Связующим звеном между Романовыми и прусскими Гогенцоллернами должен был стать первенец Николая Александр. Все дети Николая I вступили в брак с представительницами и представителями германских королевских и княжеских домов: Гессен-Дармштадтского, Вюртембергского, Саксен-Альтенбургского, Баденского, Мекленбург-Шверинского. Продолжались также традиционные брачные связи с домами Ольденбург и Лейхтенберг [см.: 2; 3; 19, с. 85].

В российских столицах – Петербурге и Москве трансфер знаний и технологий происходил наиболее интенсивно, но с различными топологическими особенностями. На протяжении многих столетий *Mare Balticum* представляло собой *трансграничное пространство*, через которое проходило огромное количество экономических, культурных, семейных связей между Центральной, Восточной, Северной и Западной Европой. Пограничное положение Петербурга как города-

порта с его маритимной экономикой, в отличие от материковой экономики Москвы, являющейся средоточием центрального экономического района России, определяло в значительной степени его экономические связи и особое место как внутри империи, так и за ее пределами. За всю историю имперского периода Петербург был не менее тесно связан с европейскими портами на Балтийском и Северном морях, чем с центральной Россией. Доставка груза морем из Любека в Петербург (ок. 1400 км) длилась примерно неделю. Столько же, сколько по Московско-Петербургскому тракту в 1746 г., протяженность которого составляла на тот момент 778 км. Со строительством Московского шоссе в 1833 г. это расстояние сократилось до 693 км, а соответственно сократилось и время в пути [7, с. 12]. Не забудем, что главные торговые центры Северо-Западной Руси – Новгород и Псков, роль которых в торговле с Западной Европой взял на себя позже Петербург, на протяжении долгого времени были втянуты в сферу экономической активности одной из крупнейших торговых корпораций Средневековья и раннего Нового времени – Ганзейского союза [см.: 28], в который входили торговые города северной Германии, побережья Балтийского моря и прилегающих к нему территорий [14, с. 22-23].

Трудовая миграция между Петербургом и Берлином

Российско-немецкое пространство межкультурного диалога, собираемое в одно уникальное целое множеством людей в качестве телесных, социальных и коммуникативных агентов социального действия – прусским министром иностранных дел и прусским посланником в Санкт-Петербурге, секретарями, советниками, консультантами, предпринимателями, ремесленниками, другими специалистами, вмещало в себя огромное многообразие смыслов, значений, контекстов, продуцируемых и транслируемых участниками этого взаимодействия [см.: 1; 12].

Опосредованная реконструкция повседневных практик Кнака как социального актора стала возможна благодаря непосредственным участникам в решении судьбы слесаря в Берлине и в Санкт-Петербурге: его жене, известному австрийскому механику и декоратору императорских театров Санкт-Петербурга

Андреасу Леонгарду Роллеру (Андрей Адамович или Иванович) (1805–1891) и видному шотландскому предпринимателю Чарльзу Берду (Карл Николаевич) (1766-1843). Самое активное участие последних в жизни Кнака и поддержка с их стороны сообщают важный контекст в понимании высокого статуса самого мастера как уникального специалиста, показывают его круг общения, свидетельствуя о высоком уровне солидарности и социальности в поведении отдельных представителей иностранного сообщества.

У Роллера Кнак остановился на первое время на квартире, и, вероятно, привлекался для технической работы в театре. И.И. Пушкарев писал о Роллере: «Художественная и механическая часть балетов, стараниями Роллера, доведены до такого совершенства, что декорации невольно очаровывают воображение и переносят зрителя в мир фантазии» [11, с. 118].

На заводе Берда Кнак устроился на работу, видимо как ценный специалист, на что косвенно указывает сокровище долгое время предпринимателем слесаря от представителей прусской дипломатической службы. В данном случае мы имеем дело с текстами публичной коммуникации с определенным адресатом [16, с. 69]. Это и прошения госпожи Кнак, адресованные заранее известному читателю, на ответную реакцию которого она рассчитывала, и переписка между прусским министерством иностранных дел и прусской миссией в Санкт-Петербурге [см.: 34].

В 1836 г., когда Кнак приехал в Петербург, в столице Пруссии проживало 283 722 человек [см.: 6, с. 431-443; 36, S. 12]. В другом издании находим число в 280 385 чел. [23, S. 3]. Поэтому густонаселенная российская столица с населением примерно 469 000 человек должна была произвести на Кнака неизгладимое впечатление [13, с. 16-17; 25, S. 295-307]. Здесь как в одном из крупнейших урбанистических центров Европы имелась одна из самых многочисленных немецкоязычных городских диаспор – около 30 000 человек, что могло составить население среднего немецкого города [см.: 32]. В 1832 г. в Петербурге насчитывалось 3 605 иностранных ремесленников мужского и женского пола [11, с. 118; 15, табл. № 25, 26]. По-видимому, в это число

входили цеховые и нецеховые ремесленники, так как оно намного превышает количество цеховых [8, с. 443-530; 22; 31]. Среди них имелся 761 специалист прусского подданства (т.е. более половины от всех 1 459 прусских подданных) [15, табл. № 25, 26]. Если учесть, что численность немецкоязычной диаспоры увеличилась за кратчайшие сроки с 30 до 50 тысяч человек к концу 60-х гг. XIX в., то можно предположить, что это могло произойти в основном за счет трудовой миграции, но никак не естественного прироста [см.: 26].

Корреляция с транспортными средствами и населением самой столицы дает право говорить о «массовой» миграции из Германии именно лиц низшего и среднего сословий, так как мобильность иностранцев, а тем более европейцев, была значительно выше той, что существовала к тому времени в самой России. Здесь играло большую роль особое место Петербурга в Российской империи, где проживало наибольшее количество мигрантов из Пруссии в большинстве своем не аристократического происхождения, а также привлекательность города как крупного европейского столичного центра с максимальным числом потенциальных состоятельных клиентов.

Каковы же были наиболее вероятные способы перемещения Кнака в Петербург? Если до появления пароходов путешествие на парусном судне из Петербурга до Травемюнде составляло около шести дней, то в 1835 г. Н.И. Гречу, известному публицисту, дед которого выехал во времена Анны Иоанновны из Пруссии в Россию на пароходе «Александра», понадобилось около четырех суток. Он писал, что можно было «из Петербурга прибыть на четвертый день в Гамбург, на шестой в Лондон, на осьмой в Париж» [5, с. 1]. Чтобы оказаться в Берлине, путешественник воспользовался дилижансом из Гамбурга, который довез его до прусской столицы за 36 часов, преодолев расстояние около 300 км. Иными словами, как по суше, так и по воде время в пути значительно сократилось, и дорога из Петербурга до Берлина могла составить около шести суток. Сокращение времени в пути низвело поездку из Берлина в Петербург до рутинной операции, а такие психологические факторы как иная культурная ситуация, социальные нормы, языковой барьер не смогли

стать препятствием к переезду в российскую столицу, что говорит об исключительно благоприятных условиях адаптации для немецких специалистов. Описанный выше маршрут был наиболее вероятным для Кнака.

Каковы же возможные причины его отъезда в Россию? Судя по тому, что жена Кнака подала заявление на развод, это мог быть тяжелый семейный кризис по неизвестным нам причинам. Возможно, отъездом в Россию Кнак пытался решить какие-то свои материальные или семейные проблемы, заработать денег в ходе «большого турне в денежный Санкт-Петербург» [35, S. 404]. Петербург того времени представлял собой крупный центр притяжения высокооплачиваемой квалифицированной рабочей силы. Не случайно, как позже выяснилось, слесарь работал, возможно, также в театре, помогая Роллеру. Супруга Кнака, урожденная Вестербург, сообщала в своем прошении от 15 сентября 1836 г. в адрес прусского Министерства иностранных дел в Берлине: «Мой муж, слесарь Кнак, который ранее жил и работал здесь, покинул меня злостным образом после того, как я подала прошение на развод в здешний королевский городской суд по основаниям, изложенным ниже, и вообще уехал из Берлина. Его местонахождение мне совершенно неизвестно» [27, Вл. 127]. Это произошло в марте 1836 года.

Причина настойчивых поисков беглеца заключалась в том, что брошенная женщина, согласно постановлению городского суда, не могла получить развод, пока не будут использованы все средства в поисках ее мужа, и, следовательно, пока оставалась надежда его найти [27, Вл. 128-129]. Другими словами, неопределенный социальный статус женщины мог повести к возникновению неблагоприятных для нее последствий.

Согласно копии письма брату Кнака, слесарю-гвоздарю, жившему в Берлине, которую тот предоставил городскому суду, явившись для дачи показаний, беглый слесарь нашел первоначальное пристанище у директора по механической части Немецкого театра, находившегося в ведомстве дирекции императорских театров А.Л. Роллера. Суд приказал госпоже Кнак обратиться к российским властям в Санкт-Петербурге, чтобы выяснить, жив ли и где

находится ее муж [27, Вл. 130]. К этому времени госпожа Кнак жила у своего отца, портного мастера Вестербурга, на улице Риттерштрассе, 10 [27, Вл. 133]. Однако нам не удалось идентифицировать точное место жительства портного мастера Вестербурга, так как Риттерштрассе, указанная в прошении, носила в 1836 году другое имя – Нойе Юнкерштрассе и была переименована лишь в 1845 году [см.: 21]. Королевский городской суд находился недалеко от места жительства супруги Кнака в одном здании с Верховным судом на Линденштрассе [см.: 33].

Кнак просила прусское внешнеполитическое ведомство подключить к поискам мужа дипломатическую миссию в Петербурге [27, Вл. 131]. Вскоре последовало распоряжение Министерства иностранных дел в адрес миссии получить справку у Роллера [см.: 27]. В то время прусскую миссию в Санкт-Петербурге возглавлял королевский чрезвычайный посланник и полномочный министр при российском дворе Август фон Либерман [9, с. 193].

В начале 1837 г. дело приняло серьезный оборот, так как, согласно донесению прусского посланника в Министерство иностранных дел от 4 июня, действовавшего на основании указа от 27 января, были предприняты новые шаги по разысканию слесаря. Сообщалось, что чиновники миссии безуспешно пытались получить справку в конторе литейного и механического завода, принадлежавшего обер-берг-гауптману, соответствовавшего чину генерала, Чарльзу Берду на Гутуевском острове, так как в конторских книгах имени слесаря не значилось. Лишь при повторной проверке удалось выяснить, как следовало из донесения консула от 24 июня, что слесарь проживал у одного из мастеров завода «без каких-либо служебных обязанностей» [см.: 27].

С большой вероятностью можно предположить, что Кнак не только проживал, но и работал на заводе. Соккрытие этого факта, видимо, было сделано для того, чтобы огородить ценного сотрудника от неприятностей, связанных с требованиями жены и возможными выплатами в ее пользу. Надо сказать, что Петербург того времени использовался некоторыми прусскими подданными мужского пола именно в целях сокрытия и ухода от уплаты алиментов, долгов

и выполнения иных материальных обязательств.

Получение от мужа официального согласия на развод было сопряжено с многими трудностями. Покинутая женщина жаловалась на отсутствие средств к существованию. Осложняющими обстоятельствами являлись также, по словам госпожи Кнак, проблема перевода ее прошения на русский язык, и, если верить ее заверениям, отсутствие возможности послать письмо в Россию, так как на почте не принималась никакая корреспонденция в адрес российских властей. В июне 1837 г. в докладной записке посланника на имя министра иностранных дел сообщалось, что, «как известно господину министру», для решения данного дела при российских судах не имеется соответствующих сотрудников (адвокатов), почему подобными делами, как правило, никто не занимается без определенного значительного гонорара. По этим причинам госпоже Кнак представлялось затруднительным найти себе доверенное лицо, готовое вести это дело при гонораре по оценкам немецкой стороны не менее 200 рублей ассигнациями, причем половина этой суммы должна была быть заплачена вперед. Кроме того, в данном случае госпоже Кнак необходимо было предоставить, послав по почте своему представителю в Санкт-Петербурге доверенность с особым пунктом для манданта и с соответствующей необходимой инструкцией [см.: 27].

В связи с вышеизложенным, посланник обратился к юридическому консультанту миссии, находящемуся на русской службе титулярному советнику Гакелю с вопросом при каких условиях тот был бы готов взять на себя ведение дела по бракоразводному процессу и быть доверенным лицом госпожи Кнак. По основному месту службы Гакель работал поверенным в консистории евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла на Невском проспекте, являвшейся центральным храмом данной христианской деноминации в России. В газете за 1837 г. имеются сведения о том, что Гакель, среди прочего, сопровождал сделки по продаже недвижимости, в данном случае двух домов в Царском селе [29, S. 258]. В ответ на запрос посланника Гакель сообщил, что ввиду определенных правил обычая, работая

канцеляристом в здешней консистории, он не может, к большому сожалению, взять на себя такой труд [см.: 27]. Неизвестно, чем закончилось это дело и получила ли госпожа Кнак официальное согласие мужа. Тем не менее, на основании сделанного анализа и установленных связей можно получить представление о том, что жена ремесленного мастера смогла многого добиться, получив поддержку со стороны лиц, занимавших высокие должности во внешнеполитическом ведомстве Пруссии.

Круг знакомых слесаря Кнака в Петербурге позволяет сделать вывод о его высоком положении в своей социальной страте. О том, что берлинский мастер был знатоком своего дела, говорит тот факт, что по приезде в Петербург непосредственное участие в его судьбе принимали такие примечательные личности петербургской культурной и экономической жизни как А.Л. Роллер и Ч. Берд (вместе с сыном Францем Карловичем Бердом). Последних можно без сомнения назвать активными посредниками межкультурного диалога [12, с. 26].

Роллер являлся известным австрийским и российским театральным механиком, живописцем перспективных видов и театральных декораций. Будучи сыном театрального механика и учась у своего отца постройке театральных машин, он одновременно получил образование в Академии изобразительных искусств и Политехническом институте Вены. Его профессиональная деятельность началась в 1821 г., когда он выступил в роли театрального декоратора и машиниста под руководством своего отца в Вене. С 1822 г. Роллер работал машинистом в театрах Вены, Мюнхена, Дрездена, Берлина, а в 1834 г., приобретя известность как художник романтико-академического толка, опытный декоратор, мастер сценических эффектов, он получил приглашение на службу в России на должность декоратора и главного машиниста дирекции императорских театров. Эту должность Роллер занимал на протяжении 46 лет с 1833 по 1879 гг. За это время Роллер «написал декорации и устроил машины для более 200 театральных пьес и поставил около 1000 живых картин», а также «производил исправления сцены и машин в Эрмитажном театре в 1856 г.» [20, с. 41]. По другим сведениям за 38 лет работы

в России художник изготовил машины и декорации для 63 балетов и 78 опер [17]. За успехи в декоративной живописи Императорская Академия художеств присудила ему в 1839 году звание академика, а в 1856 году – «профессора перспективной живописи», как основателю класса в названном подвиде изобразительных искусств [20, с. 42]. В 1873 г. Роллер принял русское подданство [17]. Примечательно, что в год прибытия Кнака в Петербург Роллер «как опытный техник по строительно-механической части, участвовал в перестройке Большого Каменного театра (Мариинский театр), а в 1838 г. – Зимнего дворца [20, с. 41].

Можно предположить, что Роллер привлекал Кнака для работы в столь значимых проектах, а затем, вероятно, порекомендовал его Берду, которому были нужны специалисты такого класса.

Мастер-механик, впоследствии заводчик Чарльз Берд, стал в 1815 г. первым строителем пароходов на Неве, владельцем пароходства и привилегии на эксплуатацию пароходов на всех российских реках до 1830 года. Берд приехал в Россию в 1786 г. вместе с бывшим директором Карронских заводов, где он проходил обучение на механика, Карлом Гаскойном. После трех лет работы помощником Гаскойна во время модернизации Александровского пушечно-литейного завода в Петрозаводске он переехал в Петербург. Здесь Чарльз вместе со своим братом Джеймсом и своим тестем, шотландским инструментальным мастером Ф. Морганом, организовал в 1792 году товарищество, располагавшее предприятиями на Галерном острове (сегодня ОСК «Адмиралтейские верфи»). На соседнем Матисовом острове Морган имел небольшие железоделательные мастерские с плавильными печами. Дело развивалось так успешно, что вскоре товарищество выросло в первый частный литейно-механический завод города. Кроме строительства пароходов и машин, завод выполнял также множество заказов по строительству мостов Петербурга, элементов декора и орнамента для возведения зданий, в том числе и для Исаакиевского собора [4, с. 2].

Трудно переоценить таких замечательных личностей, как Роллер и Берд,

принявших самое деятельное участие в жизни Кнака. Без их помощи вся эта история не состоялась бы и Кнак просто или не приехал бы в Петербург или, приехав, пропал, как некоторые его менее счастливые соотечественники. Показывая, что это были далеко не рядовые жители Петербурга, а своего рода знаменитости, проявляется статус самого слесаря, занимавшего в своей социальной страте не последнее место. Существует высокая вероятность того, что Кнак был хорошо проинформирован о возможностях протекции и заработка в Петербурге, оказавшись у своих покровителей не случайно, но заручившись перед своим приездом их поддержкой [см.: 30, S. 32-56].

С помощью Берда и его конторских служащих, Кнаку более года удавалось благополучно скрываться от представителей прусской внешнеполитической администрации на заводе. Несмотря на трудности в поисках «беглого» берлинского мастера, его все же удалось найти. Анализ этих поисков, отразившихся в переписке между Берлином и Петербургом, позволяет сделать вывод о существовании относительно эффективных методов и средств в получении необходимой информации о передвижении и местонахождении прусских подданных в России.

Интегрированное и открытое европейскому миру пространство Петербурга создавало благоприятные условия для межкультурного диалога, существовавшего «на равных». Несомненно, рутинную коммуникацию между Пруссией и Россией могли затруднять государственные границы, материальные затруднения, различия в культуре и языке, как это показано на примере госпожи Кнак. При этом особенности представителей различных культурных традиций (в Берлине и Петербурге существовал высокий процент иностранцев) не мешали им с успехом коммуницировать, используя традиционные неофициальные каналы связи: почту, письменные или устные послания, и привычные модусы коммуникации (письменный, устный, невербальный), а также прибегать к помощи соотечественников и коллег по профессии в чужом городе. В конечном итоге, успех или неуспех зависел от конкретных людей, находившихся в перманентном состоянии межкультурного диалога.

Подводя итоги, следует сказать, что выбор Кнаком Санкт-Петербурга, как важнейшего российского шлюза трансконтинентальной миграции [см.: 18], где были издавна налажены механизмы и каналы коммуникации, а не Лондона, Парижа или Вены, говорит о не меньшей привлекательности столицы России как желанной цели мигранта в сравнении с названными европейскими метрополиями. Существование в городе самой крупной среди европейских мигрантов немецкоязычной диаспоры значительно облегчало трудовую интеграцию, делая возможным столь спонтанный приезд Кнака в Петербург, воспользовавшегося хорошо налаженными морскими коммуникациями города с Северной Германией. Попав в дружное и многочисленное интернациональное сообщество, он сумел быстро освоиться и найти работу. Пример Кнака позволяет констатировать факт существования успешных коммуникативных практик в миграционных процессах прусских ремесленников. В результате исследования удалось конкретизировать официальные и опосредованно неофициальные каналы коммуникаций, существовавшие между двумя столицами, облегчавшими или осложнявшими, в зависимости от контекста, коммуникацию и интеграцию прусских мигрантов.

Данный материал позволил отчасти выявить некоторые особенности коммуникации прусской администрации, осуществлявшейся посредством внешней дипломатической службы с Петербургом, и условия интеграции иностранцев в столице России. Их успешность обуславливалась, не в последнюю очередь, дружественными связями дома Романовых с германскими домами, что создавало благоприятные условия для миграции прусских подданных в Петербург. Несмотря на то, что попытка воспользоваться услугами петербургского немца Гакеля не увенчалась успехом, можно предположить, что практика обращения к этническим немцам Петербурга, за отсутствием агентских сетей шпионов в их современном понимании, была для того времени обычным делом. Причем эта практика могла быть характерной именно для «немецкого» Петербурга, а не для Берлина. За счет этого существовала некоторая пластичность самой системы коммуникации:

сотрудник петербургской евангелическо-лютеранской консистории Гакель являлся одновременно юридическим консультантом прусской дипломатической миссии. Такие двуязычные и бикультурные люди, принадлежавшие к космополитной немецкой диаспоре, являлись идеальными коммуникаторами, обеспечивавшими разноуровневую циркуляцию информации между Берлином и Петербургом, а также относительно быструю и безболезненную интеграцию мигрантов. Именно благодаря таким социальным агентам в немецкой диаспоре была возможна, с одной стороны, успешная коммуникация, с другой, успешная интеграция мигрантов, в зависимости от модуса взаимодействия.

Список литературы:

1. Азаренко С.А. К вопросу о языке воспроизводства инженерного мышления // Инженерное мышление: социальные перспективы: материалы международной междисциплинарной конференции (Екатеринбург, 12-13 февраля 2020 г.). Екатеринбург: Деловая книга, 2020. С. 51-55.

2. Вульф Д. Династия Романовых и Германия. Роль династической солидарности и династических браков в германо-российских отношениях (XVIII-XX вв.). М.: Наука, 2000. 563 с.

3. Выскочков Л.В. Император Николай I: Человек и государь. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. 644 с.

4. Гарбузова М.Б. Литейных дел мастер Чарльз Берд // Пятые открытые слушания «Института Петербурга». Ежегодная конференция по проблемам петербурговедения. 10-11 января 1998 г. СПб.: Петербургкомстат, 1998. С. 1-5.

5. Греч Н.И. 28 дней за границей, или Действительная поездка в Германию / [Соч.] Николая Греча. 1835. СПб.: Тип. Н. Греча, 1837. [4], 256 с.

6. Дальманн Д. История городов в социальном аспекте. Фридрих Николаи и Иоганн Готлиб Грегори и их описания метрополий Берлина и Санкт-Петербурга // Г.Ф. Миллер и русская культура = G.F. Müller und die russische Kultur / Отв. ред.: Д. Дальманн и Г. Смагина. СПб.: Росток, 2007. С. 431-443.

7. История железнодорожного транспорта России / Г.М. Фадеев [и др.]; под общ. ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина. Т. 1: 1836-1917. СПб.; М.: Петербург. гос. ун-т путей сообщ., 1994. 336 с.

8. Келлер А.В. *Artifex Petersburgensis*. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века (административно-законодательный и социально-экономический аспекты). СПб.: Алетейя, 2020. 627, 3 с.

9. Корсакова Н.Л., Носков В.В. Списки дипломатического корпуса в Санкт-Петербурге, 1835 г. (по материалам РГИА) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 172-210.

10. Милов Л.В., Цимбаев Н.И. История России XVIII-XIX веков. М.: Эксмо, 2006. 784 с.

11. Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии Ч. [1]-4. СПб.: Типография Н. Греча. В 4 т. Т. 3. 1841. 168 с.

12. Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 556, [3] с.

13. Санкт-Петербург. 1703-2003: Юбилейный статистический сборник / Под ред. И.И. Елисеевой и Е.И. Грибовой. Вып. 2. СПб: Судостроение, 2003. 232 с.

14. Симонян Р., Кочегарова Т. Новый Ганзейский союз – оптимальный формат сотрудничества России и Евросоюза // Власть. 2009. № 12. С. 22-23.

15. Таблицы к статистическим сведениям о Санкт-Петербурге. СПб.: Гуттенберговская тип., 1836. [2], VI, [6] с., 88 л. пл., табл.

16. Тимофеев Д.В. История российского либерализма XIX столетия в контексте истории понятий: принципы и методы исследования // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. «X Муромцевские чтения»: [сборник материалов Международной научной конференции. 28-29 сентября 2018 г. Орел]. Орел: Александр Воробьев: Орлик, 2018. С. 69.

17. Федосова Е. Андреас Роллер [Электронный ресурс] // Мариинский театр [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3tXoWNB> (дата обращения 24.06.2022).
18. Шенк Ф.Б. Шлюзы трансконтинентальной миграции как места модерности // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 1(44). С. 114-128.
19. Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование: Т. 1-2. СПб.: А.С. Суворин, 1903. Т. 1. 800 с.
20. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 27. СПб.: Типография Акц. Общ. «Издат. дело, бывшее Брокгауз-Эфрон», 1899. С. 41-42.
21. Allgemeiner Wohnungsanzeiger für Berlin, Charlottenburg und Umgebungen auf das Jahr 1847. Berlin: Verlag von Veit und Comp., 1847. 842 S.
22. Busch M. Deutsche in St. Petersburg 1865-1914: Identität und Integration. Essen: Klartext, 1995. 288 S.
23. Chronik der Königlichen Haupt- und Residenzstadt Berlin: für das Jahr 1837. Berlin: G. Gropius, 1840. 279, XIX S.
24. Clark C. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600-1947. 5. Auflage. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2007. 896 S.
25. Dahlmann D. Berlin und St. Petersburg. Friedrich Nicolai und Johann Gottlieb Georgi und ihre Beschreibungen der Haupt- und Residenzstädte Berlin und St. Petersburg // Bunčić D., Trunte N. Iter Philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag. München: Sagner, 2006. S. 295-307.
26. Geheime Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK). III. HA MdA, III. Nr. 11193: Erteilung von Heimatscheinen. Verzeichnisse der bei der preußischen Gesandtschaft in St. Petersburg eingegangenen Gesuche, Bd. 1. 1839-1844.
27. GStA PK. III. HA MdA. III. Nr. 12045: Ehescheidungsklage der Knack, geb. Westenburg in Berlin gegen ihren Ehemann, Schlossermeister F.W. Knack in St. Petersburg, 1836-1837.
28. Hammel-Kiesow R. Die Hanse. München: Beck, 2000. 127 S.
29. Hoerder D. Geschichte der deutschen Migration: Vom Mittelalter bis heute. München: Beck, 2010. 128 S.

30. Intelligenzblatt der St. Petersburgischen Zeitung. Nr. 96. 2. Mai 1837.

31. Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt am Main: P. Lang, 2002. 601 S.

32. Krabbe W.R. Die deutsche Stadt im 19. und 20. Jahrhundert: eine Einführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. 224 S.

33. Kratzsch J.F. Darstellung der Gerichtsverfassung in dem Preußischen Staate. Leipzig: Zeitz, 1833. 300 S.

34. Lehmann J. Die politischen Berichte der preußischen Gesandtschaft in Petersburg 1815-1867 und ihre Erschließung // Archivmitteilungen. 1986. Nr. 36. S. 18-26.

35. Possart F. Das europäische Russland. Stuttgart: Literatur-Comptoir, 1841. 971 S.

36. Schütz W. Vergleichende statistische Uebersicht der in Berlin in den vier Epidemien 1831, 1832, 1837 und 1848 vorgekommenen Cholerafälle. Reprint. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. 160 S.

Сведения об авторе:

Келлер Андрей Викторович – доктор исторических наук, доктор философии (PhD), старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Data about the author:

Keller Andrei Victorovich – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD), Senior Researcher of Laboratory of Traditional Archeography, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: keller26000@gmail.com.